

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>

Копнина Галина Анатольевна

Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне

Цель статьи - описать способы речевого сопротивления манипулятивной тактике навешивания политических ярлыков. Научная новизна заключается в том, что выявленные способы впервые терминологизированы и охарактеризованы. В результате исследования доказано, что в современной информационно-психологической войне применяются следующие способы речевого сопротивления навешиванию ярлыков: подчеркнутое принятие политического ярлыка (ироническое принятие ярлыка без его переосмысления; принятие ярлыка с его последующим аксиологическим переосмыслением); постановка ярлыка в иронический контекст; намеренное игнорирование ярлыка. Исследование речевого сопротивления позволяет заполнить лауну в теории лингвистики информационно-психологической войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 248-253. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.52>

Дата поступления рукописи: 04.10.2020

Цель статьи – описать способы речевого сопротивления манипулятивной тактике навешивания политических ярлыков. **Научная новизна** заключается в том, что выявленные способы впервые терминированы и охарактеризованы. **В результате** исследования доказано, что в современной информационно-психологической войне применяются следующие способы речевого сопротивления навешиванию ярлыков: подчеркнутое принятие политического ярлыка (ироническое принятие ярлыка без его переосмысления; принятие ярлыка с его последующим аксиологическим переосмыслением); постановка ярлыка в иронический контекст; намеренное игнорирование ярлыка. Исследование речевого сопротивления позволяет заполнить лауну в теории лингвистики информационно-психологической войны.

Ключевые слова и фразы: лингвистика информационно-психологической войны; речевое сопротивление; политический ярлык.

Копнина Галина Анатольевна, д. филол. н., доц.
Сибирский федеральный университет, г. Красноярск
okornin@mail.ru

Речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков как способ защиты в информационно-психологической войне

Развитие лингвистики информационно-психологической войны осуществляется главным образом в сторону изучения способов речевого нападения, речевой манипуляции, о чем свидетельствует, в частности, научно-аналитический обзор публикаций по этой теме, сделанный С. Л. Кушнерук [18]. Сигналом протеста и неприятия современных коммуникативных практик, имеющих характер вражды, считают введение термина «язык ненависти» [1, с. 60]. Этим термином обозначают язык, позволяющий очертить круг «чужих», в который «входят все те люди, на которых надо обрушить ярость общества, обвинив их в совершении “тяжких грехов” – противоправных действий, – асоциальном поведении и т.п.» [Там же, с. 63]. В арсенале этого языка есть и словесные политические ярлыки, речевые способы сопротивления которым остаются неизученными, что и обуславливает **актуальность** исследования.

Изучение речевого сопротивления необходимо еще и потому, что специалисты разных областей знаний говорят о важности выработки эффективных мер по борьбе с «языком вражды, ненависти». Так, Дэвид Кайе, специальный докладчик ООН, считает, что «государства и частный сектор не принимают эффективных мер по борьбе с языком вражды в интернете, из-за чего он может стать не менее масштабным явлением современности, чем так называемые “фейковые новости”» [27]. Особенно острой становится заявленная проблема, если ее рассматривать в аспекте проблемы информационной безопасности государства.

Тактика навешивания политических ярлыков заключается в дискредитации какого-либо социально и политически значимого объекта путем именованного его с помощью единиц-идеологем, тяготеющих к стереотипизации, обладающих гипертрофированной пейоративной коннотацией, ослабленным денотативным компонентом и представляющих собой линейно свернутые негативные мифы (в соответствии с определением политического ярлыка, см.: [26, с. 50]). **Задачи исследования** видим в том, чтобы 1) выявить способы речевого сопротивления этой тактике, 2) терминировать выявленные способы и 3) представить их лингвистическое описание.

Материал исследования, который собирался методом случайной выборки из различных источников, но преимущественно из сети Интернет, включает 50 речевых фрагментов, иллюстрирующих стратегию речевого сопротивления навешиванию политического ярлыка. В процессе его анализа использовались следующие **методы исследования**: традиционный описательно-аналитический метод, включающий наблюдение за дискурсом информационно-психологической войны, выявление речевых фактов, их интерпретацию и классификацию; метод контекстуального анализа, позволяющий сделать выводы об изменении коннотации слова в том или ином контексте и определить прагматическую функцию выявленных речевых фактов. Незначительность объема материала объясняется достаточно редким использованием названной стратегии, что связано со сложностью противостояния манипулятивному приему навешивания ярлыков, его нацеленностью на создание образа врага, из-за чего не каждый политический ярлык может быть формально принят и тем более переосмыслен в позитивном ключе, что является условием эффективной контрпропаганды как распространения противоположных противнику идеологических идей.

Теоретическая база исследования включает работы в области политической лингвистики, посвященные, прежде всего, стратегиям и тактикам речевой защиты от деструктивного информационно-психологического влияния. В политической лингвистике используется термин «языковое сопротивление», который вошел в научный оборот после публикации монографии Н. А. Купиной «Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры» [17]. Языковое сопротивление Н. А. Купина определяет как «противодействие носителей языка лингвистическому диктату» [16]. Ученый пишет, что языковое сопротивление существует в любой языковой и культурной среде и служит «своеобразным средством регулирования речевого поведения, разграничения социально допустимого и недопустимого, желательного и нежелательного, одобряемого и неодобряемого, правильного и неправильного, рекомендованного и нереконмендованного» [Там же].

Исследователь отмечает многообразие форм языкового сопротивления, к которому относит жаргон как «противодействие правильной литературной речи», употребление слова общенационального языка в несвойственном ему значении как один из способов сопротивления узусу. Как речевая реакция, оно проявляется «в двух основных формах: как языковая борьба, или “борьба с языком” тоталитарного времени, рождённой революцией, и как языковое противостояние – намеренное игнорирование так называемого новояза, использование языка традиционного, исконного, лишённого искусственных идеологических наслоений». «Первая форма языкового сопротивления приводит к процессам деидеологизации и демифологизации, а в конечном счете – к деформации картины советского ментального мира. Вторая форма сопротивления, используя в качестве основной речевую тактику избегания, способствует консервации собственно национальной картины мира» [Там же]. В наибольшей степени изучено языковое сопротивление первого типа, то есть «борьба с тоталитарным языком» («языковая борьба»): исследователи пишут об «антитоталитарном языке» [4], о специфике лингвориторической категории «языковое сопротивление» в противостоянии советской и фашистской идеологии [7, с. 198].

Языковое сопротивление рассматривают и в более широком значении – как речевую борьбу со сложившимся в обществе режимом: это «выраженное на вербальном уровне сопротивление, определяемое когнитивной установкой противодействия всему общественному режиму» [2, с. 66]. В качестве синонимического используется термин «речевое сопротивление», причем особо выделяется скрытое (имплицитно выраженное) речевое сопротивление [3, с. 4]. Как синоним речевому сопротивлению используется понятие контр-дискурса [9, с. 202]. В литературе можно встретить также термины «языковая самооборона», «языковое противостояние», «коммуникативное айкидо» и т.п. Проблема соотношения всех этих понятий, насколько нам известно, специально еще не изучалась, хотя необходимость их осмысления и систематизации назрела. Рассмотрению названной проблемы может быть посвящена отдельная научная публикация. Будучи ограниченными рамками жанра журнальной научной статьи, не останавливаемся на ней. Однако отметим, что более точным для нашего материала считаем термин «речевое сопротивление», под которым понимаем способность носителей языка оказывать с помощью речи противодействие деструктивному информационно-психологическому воздействию.

Представленные ниже результаты исследования способов такого противодействия обладают теоретической значимостью, поскольку позволяют заполнить лауну в теории лингвистики информационно-психологической войны. **Практическая значимость** исследования состоит в том, что его результаты окажутся востребованными в образовательной и консалтинговой практике. Н. И. Миронова, например, пишет, что в рамках преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» «крайне важно дать студентам представление о том, как можно защитить себя от агрессивной коммуникации, а также рассмотреть “язык вражды” в юридическом, правовом аспекте, ознакомив студентов с некоторыми правилами безопасности» [20, с. 15]. Полученные результаты могут использоваться в процессе преподавания политической лингвистики, теории речевого воздействия, а также в лексикографии при создании словаря политических ярлыков, над которым работает коллектив филологов Сибирского федерального университета.

Иллюстративный материал приводится далее с сохранением орфографии и пунктуационного оформления текста в источнике.

Анализ собранного материала позволяет нам говорить о существовании трех основных **способов (приемов) речевого сопротивления навешиванию политических ярлыков**.

1. Подчеркнутое принятие ярлыка

Этот способ существует в двух вариантах: принятие ярлыка без его переосмысления как пресечение манипулятивного воздействия и принятие ярлыка с его аксиологическим переосмыслением.

1.1. Ироническое принятие ярлыка без его переосмысления продемонстрировано в следующем анекдоте:

– *Здравствуйте. <...> Интересуетесь ли вы развитием своего внутреннего мира, сознания, медитацией и йогой?*

– *Ни в коем случае. Я быдло* [43].

Принятие словесного ярлыка позволяет говорящему противопоставить себя тем, кто считает себя элитой и пытается использовать адресата в своих целях.

С. Г. Воркачев, посвятивший лексеме «быдло» целую статью, подметил: «...речевое использование лексемы “быдло”, которая... имеет словарную помету “презр.”, представляет собой один из элементов механизма психологической защиты в ситуациях, когда человеку необходимо чувствовать себя сильнее, умнее... особенно в том случае, когда человеку нечего больше противопоставить обстоятельствам и лицам, которые сильнее его» [6, с. 17]. Но он говорит, как мы понимаем, о манипулятивном использовании лексемы, в представленном же нами примере выражение «Я быдло» использовано с противоположным намерением.

Другие примеры принятия политического ярлыка, но уже в политическом дискурсе (понимаемом широко как дискурс политической тематики): *Я признаю, добровольно и в трезвой памяти, что я – мракобес. И поэтому я – против проведения выставки старого педофила в Москве* [32]; комментарий пользователя сети Интернет: *Какие же вы либералы однообразные и предсказуемые! Ну написала один пост, выразила свое отношение к убийству Натальи, выразила соболезнование, так нет, давай рыдать в голос аж пять постов подряд. Не надоело на гробах нижний брейк отплясывать?*

И да, чтобы избежать уточняющих вопросов – я кремлядь, циник и путиноид [30].

1.2. Принятие ярлыка с его аксиологическим переосмыслением наблюдаем в контексте: *Вот все говорят, например: «быдло». А что, собственно, плохого в том, что наши, русский народ – является быдлом?*

Что плохого в том, что все мы, вышедшие из этого русского народа (не думаю, что процент настоящих аристократов в современной России – очень велик...) – **как бы быдло и есть? Быдло – это и есть та современная движущая сила истории** (Ода русскому быдлу) (пример из статьи: [6, с. 16]) – лексема «быдло» в составе риторических вопросов и позитивно оценочного речевого клише («современная движущая сила») теряет свою ярлычность, поскольку оказывается в их контексте позитивно окрашенной.

Контекстуальному переосмыслению словесных ярлыков способствуют следующие условия:

а) оценочно маркированное противопоставление себя тем субъектам, которые навешивают ярлыки: **Да, я гомофоб. Мне очень далеки все эти «ценности». Очень надеюсь, что мои дети (и их дети) – будут гомофобами, а лучше гомофобицами. Вот, не место пидорам в России, у нас и своих проблем хватает** [41] – словесный ярлык лишается негативной коннотации в противопоставлении грубо-просторечному наименованию пидоры и использовании его в контексте с антифразисом «ценности»;

б) указание на масштабность аудитории, к которой принадлежит адресат и на которую навешивается ярлык: **Более того, гомосексуалисты показали свою агрессивность. Им уже недостаточно заниматься «этим» ночью под одеялом. Мы видим, как активные представители этого сообщества выставляют свою «нетрадиционность» напоказ, что никак не совместимо с нравственностью, моралью и традициями, сложившимися в нашей стране. Общество должно защищать себя и своих детей от «голубой луны»? Должно. <...> Да, я гомофоб. Как и большинство россиян, что подтверждается абсолютно всеми социологическими опросами** [28] – сравнительный оборот «как и большинство россиян», выделенный в парцелляте, является актуализатором в выражении чувства гордости; **Я, «совок», и таких, как я, тысячи, если не миллионы. Тех, кто беззаветно верил в идеи социализма. Нет, ни руководству ЦК КПСС, а именно идеям. Мы работали, веря в светлое будущее, ни только и ни столько для себя, сколько для наших детей и внуков. И вот, всё рухнуло, ушло в небытие** [8] – указание на масштабность аудитории осуществляется с помощью приема восходящей градации;

в) переосмысление морфемной структуры ярлыка: **Да, я либераст** В этом ругательстве путиноидов два корня. Один латинский и понятный: *liber* – свобода. Происходит от праиндоевр. **leudheros* (ср.: др.-греч. *ἐλεύθερος*). Второй греческий: *ἐραστής* – «любящий». Да, я люблю свободу и считаю ее ценностью [36] – тогда как происхождение ярлыка либераст связывают с контаминацией лексем «либерал» и «педераст»;

...Я – «совок». Неисправимый «совок».

СОВОК.

Совесть.

Отвага.

Верность.

Образование.

Культура.

И никак иначе! Честь имею! [5] – благодаря приему окказиональной реаббревиации (контекстуально представление слова как аббревиатуры) лексема «совок» реализует в контексте ярлычное (в первом абзаце) и неярлычное значение;

г) приведение аргументации, объясняющей принятие ярлыка, например: **Таких, как я, любят называть словом «совок». Противное слово. Но я согласна. Да, я совок. Потому, что считаю, что социализм – создатель, а капитализм – хищник, что природные ресурсы принадлежат всему народу страны, а не горстке воров-капиталистов, потому, что считаю обязанностью государства обеспечить всех и каждого бесплатным жильем, образованием, медициной, спортшколами, библиотеками и доступным театром и кино, обеспечить старость граждан достойной пенсией** [38]; **Да, я совок и быдло, да, это так. И я лучше буду называться двумя этими словами, чем причислю себя к армии «думающих гуманистов». Потому что «гуманизм и антропоцентризм», помещенные в центр мировоззрения/вселенной человека как высшей ценности, приобрели в наше время странность, чтобы не сказать, страшный, уклон** [23] – обращает на себя внимание, что аргументативная придаточная часть парцеллируется; **Я, сталинист, потому что понимаю, не сломай Сталин хребет «революционной вольнице», не проводи ускоренную индустриализацию, наша страна не выстояла бы в той страшной войне. Я «квасной патриот», во первых по тому, что квас у нас действительно лучший в мире, а во вторых потому, что просто люблю свою Родину** [11]; **Что такое обязанности? Это культура! На мой взгляд, либеральная европейская мысль ведет к пропасти только потому, что она фетишизировала права. Это путь в ад. Я в этом смысле мракобес и ватник** [12];

д) создание контекста, позволяющего воспринимать ярлык как антифразис, например:

Здравствуйте. **Я Русский Оккупант. Это моя профессия. Так сложилось исторически.**

Когда-то я оккупировал Сибирь. Теперь там добывают нефть, газ, алюминий и ещё много полезного. Теперь там города с детскими садами и больницами. Теперь там нельзя продавать женщин за вязанку собольих шкурок, как это было до русских. <...>

Я оккупировал Прибалтику. Её хутора я застроил заводами и электростанциями. Прибалтика делала высококлассную радиотехнику и автомобили. Славилась духами и бальзамами. Меня попросили оттуда уйти. Теперь там добывают шпроты, а часть населения чистит унитазы в Европе.

Да, я – оккупант. И я устал извиняться за это. Я оккупант по праву рождения, я агрессор и кровавый урод. Бойтесь. Это я терпел зверства польских интервентов во времена смуты, но чем закончилась их интервенция? Это я сжёг Москву, чтобы не отдать её Наполеону. Но как закончил Наполеон? Это я сидел в окопе у Волоколамска, понимая, что нацистов удержать не получится. Где теперь эти нацисты?

Где их проклятый Гитлер? <...> [35] – фрагмент текста «Я русский оккупант», написанного в ответ на обвинения России в агрессии, в котором ярлыки «оккупант» (и производный от него глагол «оккупировал») и «агрессор» являются антифразисами;

е) постановка словесного ярлыка в позитивно-оценочный контекст, не меняющий при этом его значения: *Я – русский. Я тот самый «колорад» / Совдеповский отстой, рашист и вата. / Я тот, кто любит водку и Парад, / я – отпрыск победившего солдата* [10] – фрагмент стихотворения; «**Я совок**, привыкший жить по совести» [25] – слова актёра Юрия Назарова в одном из интервью.

Обращает на себя внимание тот факт, что принятие ярлыка в текстах часто сопровождается выражением чувства гордости, например: «**Я “поцреот” и горжусь этим**» [34]; *Я б нацепил колорадскую ленту, / Дубликатом бесценного груза. / Смотрите, и читайте, / Я – поцреот. Российского Союза* [14]; *И хотя я «закавычил» слово «русопят», но с гордостью признаюсь, что принадлежу к числу тех, кого окрестили этим именем отъявленные русофобы и ненавистники России* [15]; *Когда слышу в чьих-то речах (или читаю в чьих-то текстах) издевательское словечко «совок», всегда испытываю желание сказать: «Ну я – совок!» И если кому-то угодно этим словом клеймить своих же сограждан, то мне в таком случае угодно носить его, как почетное звание. Да, я – совок, и тем горжусь* [31]. Чувство гордости за достижения Советского Союза выражено и в тексте «Я совок» [37].

Прием подчеркнутого принятия ярлыка, который в упрощенном виде строится по схеме «Я/мы – X» (где X – политический ярлык), усиливается использованием прилагательных «настоящий», «типичный»: *Ну посудите сами. Я сам – типичный совок, и ничуть этого не стыжусь* [39]; *Да-я настоящий путинод. Неужели кто то думает, что не будь Путина, нас бы ждали рай и процветание* [21].

Встречаются случаи одновременного использования разных способов контекстуального переосмысления ярлыка, принимаемого адресатом. Примером является текст Анатолия Кострова «Я – ватник!». Приведем его в сокращении:

Я – ватник. Я воспитан на сугубо русских ценностях – любовь к семье, любовь к русскому государству и его истории.

Я – ватник. Я привык, как селигерская жаба, в оголтелом экстазе скакать при каждом успехе моей страны на международной арене, будь то воссоединение с Крымом или победа Марии Шараповой на Уимблдонском турнире. <...>

<...> Я ватник, мои родители ватники, мои бабушки и дедушки ватники, и мои дети тоже будут ватниками.

Я настолько ватный ватник, что считаю, что рано или поздно всем придется сделать выбор. Я свой выбор сделал. Я за сильную Россию. За ту Россию, которой я горжусь прямо сейчас. Пойду, что ли, ватничек надену, и под водочку на балалайке гимн сыграю... [13] – приведение аргументации (первые два абзаца), указание на масштабность аудитории (второй абзац), использование слова *ватник* в неярлычном значении (третий абзац).

Отметим, что далеко не все словесные политические ярлыки могут подчеркнуто приниматься адресатом.

Важным условием эффективного (в плане сопротивления) переосмысления и принятия ярлыка является его связь с национальными символами и историей народа. Так, довольно много контекстов подчеркнутого принятия ярлыков *совок* (см., например, стихотворение Захара Правдина «Да, я совок!» [24]), *колорад*, *ватник/вата*. Приведем дополнительные к приведенным выше примеры: *Я ватник, я потомственный совок, / Рождён в СССР во время оно. / Я чёрный хлеб. Я кирзовый сапог. / Я воинской присяги звонкий слог / И красные победные знамёна. / Я не был на войне, но ту войну / Я каждым нервом помню и клянусь* [19] – фрагмент стихотворения А. Ю. Лукина «Я ватник». О причинах активного использования этого политического ярлыка: «Лично меня многократно презрительно называли “ватником”, что они хотели вложить в это слово я не понимаю. Зато понимаю почему “ватник”. Потому что ватник это такой же символ победы над фашизмом как и ППШ, как и Т-34, как и Катюша» [29].

2. Каламбурное использование политического ярлыка, то есть его постановка в такой иронический контекст, в котором он реализует одновременно два значения.

В следующем анекдоте словосочетание *классовый враг* имеет ярлычное и неярлычное значение одновременно, т.е. является каламбуром:

- *Вовочка, за что тебя выгнали из класса?*
- *Я классовый враг* [33].

Прием постановки ярлыка в иронический контекст используется также в книге «Смерть феминизма» А. Никонова:

Я – враг народа.

Не всего, правда, а примерно половины. Точнее, пятидесяти трёх процентов – столько в народе женщин.

*О том, что я враг женского народа, я узнал совершенно случайно – наткнулся в Интернете на статью одной возмущённой феминистки. Эта дама (кандидат филологических наук, между прочим) написала большой трактат об ужасном вербальном угнетении нами, проклятыми мужчинами, их – нежных, хрупких теток. Мы угнетаем их, помимо всего прочего, ещё и «посредством средств массовой информации»... [22] – одним из способов создания иронического эффекта выступает вставка в ярлык несвойственного ему прилагательного, нарушающего сочетаемость слов (ср. узуальные *враг советского народа, враг русского народа* и окказиональное *враг женского народа*).*

Иронический эффект создает также использование политического ярлыка в стихотворном тексте (далее приводим его фрагмент), стилизованном под известное произведение К. Чуковского:

*Вдруг из подворотни
Страшный как пират,
Рыжий и усатый
Ко-ло-рад!
Колорад, Колорад, Колорадище!
Он рычит, и кричит,
А-Ка-эмом шевелит:
«Погодите, не спешите,
Я рагулям отомщу!
Я вам мову запрещу, не помилую!»
Укры задрожали,
В обморок упали.
Ярош от испуга
Скушал Яйценюка [40].*

Комический эффект усиливается градацией, выраженной на словообразовательном уровне: *колорад* – *колорадище*, как в одном из приведенных выше примеров с ярлыком *гомифоб* (*гомифоб* – *гомифобище*).

3. Намеренное игнорирование политического ярлыка

Прием состоит в том, что адресат реагирует в своей речи не на политический ярлык, а на предшествующий ему контекст, например:

Читаю ВСЕ посты моих друзей и не понимаю, что случилось с некоторыми моими украинскими друзьями. Вот фраза одной бывшей моей хорошей знакомой, с которой общалась 5 лет: «посмотри как ты живешь, ты быдло путинское».

Посмотрела. А что? Меня все устраивает. Я вкусно ем, сладко сплю, получаю зарплату, пусть небольшую но свою, заработанную. Лично у меня Путин ничего не украл... хотя на прошлой неделе опять лопату скомуниздили. Путин виноват! Забор мне нормальный не может сделать [42].

Приведенный выше иллюстративный материал наглядно показывает, что наиболее часто речевое сопротивление навешиванию политических ярлыков осуществляется с помощью их подчеркнутого принятия с аксиологическим переосмыслением. Неединичность приема свидетельствует о коллективном речевом сопротивлении манипулятивному воздействию.

Анализ собранного материала позволяет сделать следующие **выводы**.

1. В политическом дискурсе используются три способа речевого сопротивления навешиванию словесных ярлыков: подчеркнутое принятие политического ярлыка (этот способ представлен двумя типами: ироническое принятие ярлыка без его переосмысления; принятие ярлыка с его последующим аксиологическим переосмыслением); постановка ярлыка в иронический контекст; намеренное игнорирование ярлыка.

2. Существуют определенные условия подчеркнутого принятия политического ярлыка как эффективного способа речевого сопротивления в информационно-психологической войне: это связь с историей народа, его значимыми положительными символами, позволяющая использовать ярлык в позитивно-оценочном контексте, аргументировать его принятие, указать на многочисленность объекта ярлыконавешивания, выразить чувство гордости за свой народ и страну.

3. Другие способы речевого сопротивления наклеиванию ярлыков (его каламбурное использование и намеренное игнорирование), как показывает материал, менее характерны для современной ситуации информационно-психологического противоборства.

Перспективы дальнейших исследований видим в выявлении и лингвистическом описании способов речевого сопротивления другим тактикам манипулятивного воздействия в информационно-психологической войне, их обобщении и классификации.

Список источников

1. Алексеев А. Б. К вопросу использования языка ненависти в современном политическом дискурсе // Этологический аспект информационных гражданских войн: история и современность: сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26-27 мая 2020 г.) / под науч. ред. проф. В. Ш. Сабирова; СибГУТИ. Новосибирск: СибГУТИ, 2020. С. 56-66.
2. Андреева В. Ю. Коммуникативный саботаж в сопоставлении с языковым насилием, языковым сопротивлением, коммуникативной неудачей, манипуляцией и речевой демагогией // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». 2013. № 4. С. 65-71.
3. Андреева В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: автореф. дисс. ... к. филол. н. Курск, 2009. 22 с.
4. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны [Электронный ресурс]. URL: <http://vja.ruslang.ru/archive/1993-4.pdf> (дата обращения: 16.09.2020).
5. Верещагин О. Я – «совок». Неисправимый «совок». Честь имею! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.amic.ru/news/220470/> (дата обращения: 16.09.2020).
6. Воркачев С. Г. «Быдло» как ключевое слово Рунета // Политическая лингвистика. 2012. № 3 (41). С. 16-26.
7. Ворожбитова А. А., Хачецукова З. К. Риторические фигуры советского официального дискурса передовиц «Правды» периода Великой Отечественной войны как средства языкового сопротивления // Язык. Текст. Дискурс. 2007. № 5. С. 189-198.

8. **Жовнерчук М. Я.** совок [Электронный ресурс]. URL: <https://russianpoetry.ru/proza/ja-sovok.html> (дата обращения: 16.09.2020).
9. **Какзанова Е. М.** Языковые границы политического дискурса на улицах ГДР в монографии Филиппа Дрезена «Границы дискурса: типы и функции речевого сопротивления на улицах ГДР» // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 202-206.
10. **Кобец В. Я.** – русский [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2015/09/13/887> (дата обращения: 16.09.2020).
11. **Ковалёв Г.** Нацист [Электронный ресурс]. URL: <https://george555415.livejournal.com/3493.html> (дата обращения: 16.09.2020).
12. **Кончаловский А. Я.** мракобес и ватник [Электронный ресурс]. URL: <https://news.temaretik.com/1179806182614764410/konchalovskij-ya-mrakobes-i-vatnik/> (дата обращения: 16.09.2020).
13. **Костров А. Я.** – ватник [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/69057-ya-vatnik.html> (дата обращения: 16.09.2020).
14. **Кочеров А.** Поцреот [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2015/01/23/9297> (дата обращения: 16.09.2020).
15. **Кузин Н.** Заметки «русопята» [Электронный ресурс]. URL: <https://zavtra.ru/blogs/2008-06-2573> (дата обращения: 16.09.2020).
16. **Купина Н. А.** Языковое сопротивление [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24550252> (дата обращения: 16.09.2020).
17. **Купина Н. А.** Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры: монография / ред. Т. В. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 1999. 176 с.
18. **Кушнерук С. Л.** Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике // Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 12-22.
19. **Лукин А. Ю.** Я ватник [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2015/04/28/1439> (дата обращения: 16.09.2020).
20. **Миронова Н. И.** Речевая агрессия и «язык вражды» как разделы современного курса «Русский язык и культура речи» в вузе // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: сб. ст. по итогам III Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 26-27 окт. 2017 г.): в 2-х ч. / БГУ, ФСК; отв. ред. О. И. Уланович. Мн.: Изд. центр БГУ, 2018. Ч. 1. С. 10-16.
21. **Моторин М. Я.** плоскоземелец, сталинист и путиноид [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dae03b41e8e3f00b0deadc5/ia-ploskozemelecstalinist-i-putinoid-5dc84658d6012e2d1616347a> (дата обращения: 16.09.2020).
22. **Никонов А. Я.** – враг народа [Электронный ресурс]. URL: <http://menalmanah.narod.ru/rnet/enemy.html> (дата обращения: 16.09.2020).
23. **Официальное заявление быдло-совка** [Электронный ресурс]. URL: <http://adamsnotes.net/?p=9154> (дата обращения: 16.09.2020).
24. **Правдин З.** Да, я совок! [Электронный ресурс]. URL: <http://poem4you.ru/almaa/Da--ya-sovok.html?version=mob> (дата обращения: 16.09.2020).
25. **Прожога М.** Актер Юрий Назаров: «Я совок, привыкший жить по совести» [Электронный ресурс]. URL: https://omsk.aif.ru/culture/culture_person/1461266 (дата обращения: 16.09.2020).
26. **Сковородников А. П., Копнина Г. А.** Политические ярлыки в современном русскоязычном медиадискурсе // Русская речь. 2019. № 1. С. 44-57.
27. **Эксперт ООН: язык ненависти в интернете нельзя считать безвредным** [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/10/1365391> (дата обращения: 16.09.2020).
28. <http://bolshoyforum.com/forum/index.php?topic=323756.0> (дата обращения: 16.09.2020).
29. <http://vseverske.info/15224-pochemu-vragi-tak-nenavidyat-vatnik.html> (дата обращения: 16.09.2020).
30. <https://abstract2001.livejournal.com/901637.html> (дата обращения: 16.09.2020).
31. <https://blprizrak.livejournal.com/89275.html> (дата обращения: 16.09.2020).
32. <https://evstoliya-3.livejournal.com/806229.html> (дата обращения: 16.09.2020).
33. <https://humor.rin.ru/cgi-bin/show.pl?razdel=116&anekdot=6038> (дата обращения: 16.09.2020).
34. <https://mama-nefeda.livejournal.com/172210.html> (дата обращения: 16.09.2020).
35. <https://mediamera.ru/post/22792> (дата обращения: 16.09.2020).
36. <https://ok.ru/andreykuraev/topic/67110282764444> (дата обращения: 16.09.2020).
37. <https://ok.ru/politepeople/topic/66971063907793> (дата обращения: 16.09.2020).
38. <https://raul-safa.livejournal.com/91568.html> (дата обращения: 16.09.2020).
39. <https://seerzha.livejournal.com/111103.html> (дата обращения: 16.09.2020).
40. <https://serg-slavorum.livejournal.com/676192.html> (дата обращения: 16.09.2020).
41. <https://www.yaplakal.com/forum7/topic1137255.html> (дата обращения: 16.09.2020).
42. <https://yablor.ru/blogs/ya-bidlo/3719849> (дата обращения: 16.09.2020).
43. <https://zasmeshi.ru/sms/348/ya-bydlo.html> (дата обращения: 16.09.2020).

Verbal Resistance to Political Labelling as a Defensive Means in Information-Psychological War

Kopnina Galina Anatolyevna, Dr
Siberian Federal University, Krasnoyarsk
okopnin@mail.ru

The article aims to describe verbal means of resistance to political labelling. Scientific originality of the paper lies in the fact that the author for the first time provides a terminological description of the verbal means under study. The conducted research allows concluding that modern information-psychological war is characterized by using the following verbal means of resistance to political labelling: enthusiastic acceptance of a political label (ironic appreciation of a label considered in its original sense; acceptance of a label with its subsequent axiological reinterpretation); ironic perception of a label; intentional ignoring of a label. The study of verbal means of resistance allows filling the gaps in the linguistic theory of information-psychological war.

Key words and phrases: linguistics of information-psychological war; verbal resistance; political label.